

Правовое мышление с позиции К. Шмитта и К. Ларенца: о понятийно-содержательном переосмыслении немецкого правопорядка в период Третьего рейха

Б. А. Антонов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

В статье исследуются правовые теории о мышлении двух наиболее известных юристов и философов Третьего рейха – Карла Шмитта (1888–1985) и Карла Ларенца (1903–1993).

Шмитт предложил учение о *мышлении в категориях конкретного порядка*, Ларенц – теорию о *конкретно-всеобщих понятиях*. Обе интеллектуальные конструкции, заявленные как варианты *нового мышления*, служили инструментами для тотального переосмысления правопорядка в Третьем рейхе, которое, по мнению обоих ученых, было невозможно без повсеместного распространения «обновленной» (в неогегельянском духе) гегелевской философии права, без значительного снижения влияния законодателя, без ликвидации «индивидуального» в пользу «институционального», без игнорирования принципа Юма и без ослабления верховенства закона. Взаимодополняемость учения о конкретном порядке концепцией о конкретно-всеобщих понятиях подтверждает смежный характер изысканий Шмитта и Ларенца, которые продолжили исследовать правовое мышление и после падения Третьего рейха, адаптируя свои теории о стандартизированном менталитете к новым условиям послевоенного мироустройства. Насколько востребованными оказались послевоенные идеи немецких ученых сегодня? Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от того, какими именно целями захотят наделять их сегодня новые интерпретаторы.

Ключевые слова: неогегельянство, Кильская школа, конкретно-всеобщие понятия, типы правового мышления (нормативизм, децизионизм, институционализм), мышление (в категориях) конкретного порядка, мышление в конкретно-всеобщих понятиях, принцип Юма.

Для цитирования: Антонов Б. А. Правовое мышление с позиции К. Шмитта и К. Ларенца: о понятийно-содержательном переосмыслении немецкого правопорядка в период Третьего рейха // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 4 (74). – С. 27–54. DOI: 10.35231/18136230_2023_4_27. EDN: PPPZY

Legal Thinking From the Position of K. Schmitt and K. Larenz: on the Conceptual-Content Rethinking of the German Legal Order in the Third Reich

Boris A. Antonov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the study of legal doctrines about the thinking created by two most famous lawyers and philosophers of the Third Reich Carl Schmitt (1888–1985) and Carl Larenz (1903–1993). Schmitt suggested a doctrine of thinking in categories of a concrete order, Larenz – a theory of concrete-universal concepts. Both intellectual constructions, considered as variants of new thinking, served as tools for the total rethinking of the rule of law in the Third Reich, which, in the opinion of both scientists, was impossible without the widespread dissemination of the “updated” (in the neo-Hegelian spirit) Hegelian philosophy of law without reducing to a considerable extent the influence of the legislator, without weakening the rule of law, without eliminating the “individual” in favor of the “institutional”, and finally, without ignoring Hume’s principle. The complementarity of the doctrine of a specific order by the doctrine of concrete-universal concepts confirms the related nature of Schmitt’s and Larenz’s researches. The two scholars continued the study of legal thinking after the collapse of the Third Reich, adapting their research to the new conditions of the post-war world order. How popular are the post-war ideas of these German scientists today? The answer to this question depends to a large extent on what specific goals the new interpreters assign to them.

Key words: neo-Hegelianism, Kiel school, concrete-universal concepts, types of legal thinking (normativism, decisionism, institutionalism), thinking (in categories) of a concrete order, thinking in concrete-universal concepts, Hume’s principle.

For citation: Antonov, B. A. (2023) Pravovoe myshlenie s pozicii K. Shmitta i K. Larenza: o ponyatijno-soderzhatel'nom pereosmyslenii nemeckogo pravoporyadka v period Tret'ego rejha [Legal Thinking From the Position of K. Schmitt and K. Larenz: on the Conceptual-Content Rethinking of the German Legal Order in the Third Reich]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (74). Pp. 27–54. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_4_27. EDN: PPPZRY

Введение

Наука о юридическом мышлении, а тем более учение о понятиях, далеко не всегда были темами юридических статей, монографий и диссертаций¹. И понятно почему: слова *мышление* и *понятие* не принадлежат напрямую к числу юридических феноменов. Они, скорее, относятся к проблематике философского, психологического и / или лингвистического характера. И тем не менее, Германия 30–40-х гг. XX в. в лице целого ряда немецких юристов стала местом, где происходило переосмысление вышеназванных понятий и создание на их основе *нового мышления* с целью его адаптации к политике национал-социализма. В качестве наиболее интересных, с точки зрения вклада в исследовательскую «копилку» идей о юридическом и понятийном мышлении, стали такие немецкие юристы, как Карл Шмитт (1888–1985) и Карл Ларенц (1903–1993).

«Вспоминая знаменитые слова Канта, можно сказать: практика без правовой науки слепа, но голая наука без постоянного анализа проблем, поступающих к ней от практики, пуста» (К. Ларенц). Оба прошли долгий, богатый на события жизненный путь: Шмитт, познавший лавры «коронованного юриста Третьего рейха», но при этом на себе испытавший опалу как действующей (нацистской), так и послевоенной власти и Ларенц, сделавший почти безупречную карьеру от рядового германиста и неогегельянца до формального руководителя *Кильской школы нацистского права*, чьи методологические разработки оказались востребованы и после Второй мировой войны. При этом и тот, и другой посвятили немалую часть своих трудов исследованию

---

¹ Следует признать, что в последние два десятилетия заметно увеличился интерес российских ученых-правоведов к проблеме правового (см. работы Овчинникова А. И., Воропаевой К. Е., Боруленкова Ю. П., Софроновой С. А., Гуляихина В. Н. и т. д.) и юридического (Петрова Е. А., Осветинская И. И., Честнов И. Л., Зыков Д. В. и т. д.) мышления.

юридического мышления, осознавая его роль и место в политико-правовой системе Третьего рейха.

Профессиональная деятельность Ларенца складывалась относительно успешно и после Второй мировой войны, чего нельзя сказать о послевоенной политической карьере Шмитта. Ларенц, зная о несколько подозрительном отношении нацистской власти к юристам, предпочитал принимать как должное все решения этой власти (включая Нюрнбергские расовые законы 1935 г.), не столько создавая и продвигая, сколько «интерпретируя» нормы нацистского права как наиболее востребованные для Германии того времени. В отличие от него, Шмитт, по мнению большинства исследователей его жизни и трудов, не был безоговорочным приверженцем нацизма: «Его (Шмитта) основные работы после 1933 г. являются не сугубой апологетикой режима как единственно верного и возможного, а *исследованием* того, что ценность порядка, государства и стабильности *вообще* в них все равно остается более высокой, чем ценность данного, нацистского государства» [7].

Проблемы правового мышления затронуты в таких трудах Шмитта, как «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922) и «О трех видах юридического мышления» (1934). Большое отстояние по времени между первыми двумя и третьей его работой свидетельствует если не о постоянном, то достаточно устойчивом интересе ученого к данной проблематике.

Три работы Ларенца, касающиеся мышления в конкретно-всеобщих понятиях: «Юридическое лицо и субъективное право – поворот к основным правовым понятиям» (1935), «К логике конкретного понятия» (1940), «Учение о методологии в юриспруденции» (1960), были написаны им вслед за вышеупомянутыми шмиттовски-

ми трудами, что позволяет предположить некоторое влияние концепции Шмитта о юридическом мышлении на учение Ларенца о конкретно-всеобщих понятиях. Данное предположение не лишено оснований еще и потому, что, будучи методистом в области толкования права, Ларенц сумел грамотно распорядиться наследием Шмитта в практической сфере: несмотря на то, что в основу созданной в 1933 г. Кильской школы (с ее образцовым (в духе нацизма) юридическим факультетом) были положены фундаментальные идеи Шмитта [1], S. 458], именно Ларенц стал ее формальным главой.

Два варианта интеллектуальных конструкций нового мышления, разработанные Шмиттом и Ларенцом, сами авторы назвали инструментами для тотального переосмысления правопорядка в целях «возрождения националистического (völkisch¹) права».

Шмитт предложил учение о мышлении в категориях конкретного порядка², Ларенц – теорию о конкретно-всеобщих понятиях. Обе теории имели целью создание такого способа стандартизированного менталитета, который бы соответствовал политике нацистского государства. И в изложении Шмитта и Ларенца он, безусловно, ей соответствовал: «... эта формула (речь идет о мышлении в категориях конкретного порядка – Б. А.) оказалась весьма точным определением правовых отношений в Германии после 30 января 1933 г.: подобное «понятие» никоим образом не ограничивало новых властителей в их понимании права и просто выражало готовность

---

¹ Понятие «völkisch» может иметь несколько значений в русском языке: националистический, расовый, этнический, неогегельянский, почвеннический (при этом, следует отметить, что почвенничество в русской философии имеет иное значение и никак не связано с расовыми теориями). Фактически данное понятие означало переход от национального мышления к националистическому, а от националистического мышления к расовому в «неогегельянском идеологическом камуфляже».

² См. Антонов Б. А. Правовая система Германии 1933–1945 гг.: мышление в категориях конкретного порядка // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 128–146. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-128-146.

ориентироваться на произошедшее, на новый порядок, оставляя открытой возможность признания любых форм, которые он породит в будущем...» [4, с. 17].

О влиянии неогегельянства на учение К. Ларенца, или Предыстория вопроса

После разрушительной Первой мировой войны стало очевидно, что прежние правовые доктрины – юридический номативизм и юридический позитивизм – пришли в упадок и не отвечают сложившейся послевоенной обстановке. Неудачи в войне Германия объясняла особенностями своей политико-правовой системы и доминированием в ней юридического нормативизма, который воспринимался большинством интеллектуальной элиты как исключительно антинемецкая доктрина. Вследствие этого Германия находилась в поиске новых правовых идей, которые должны были стать полной противоположностью духу времени прошлой эпохи, когда доминировали такие понятия, как *правовое государство, политический романтизм и рационализм, закон и законность, нормативизм и юридический позитивизм*. Большинство из них упоминались в известном споре между Кельзенем и Шмиттом, который (спор) продемонстрировал остроту противостояния между представителями прежних и новых правовых течений. Не менее острым был конфликт (случившийся в конце XVIII – начале XIX в.) между Ф.К. фон Савиньи как представителем исторической школы права и Р. фон Иерингом как приверженцем юридического позитивизма, против засилья которого выступали неогегельянцы. В значительной степени исказив смысл великого учения «последнего философа Европы», немецкое неогегельянство породило расовые теории, способствуя тем самым развитию националистического мышления и проникновению

национал-социалистических реформ в существующее законодательство Германии¹ [12, S. 354].

Будучи учеником лидера неогегельянской школы Юлиуса Биндера², Ларенц не мог не разделять взгляды своего учителя, стремясь приспособить к внутри- и внешнеполитическим целям Третьего рейха неогегельянскую интерпретацию (а чаще фальсификацию) основных положений национал-социализма. Фактически возглавив Кильскую школу, Ларенц начинает повсеместно применять «обновленную» (в неогегельянском духе) гегелевскую философию права, что по факту подразумевает распространение националистического мышления в праве. Немецкий юрист М. Штолляйс так описывает образцовый факультет нацистского права в Киле: «Юридическому факультету Килия отводилась главенствующая роль в формировании национал-социалистического права... Это была попытка придать национал-социализму, который в принципе поддерживали молодые, вновь назначенные доценты, нечто наподобие духовной формы – главным образом посредством применения обновленной гегелевской философии права. В «Китцебергском лагере» в предместье Килия прозвучали лозунги, определявшие положение вещей примерно до 1939 г.: сообщество вместо общества, общая польза превыше частной, обязанности вместо индивидуальных прав, правомерность вместо законности...» [10, с. 417–418]. Все замены свидетельствуют о стремлении изгнать из цивилизованного набора гуманитарных ценностей права и свободы, подкрепляемые соответствующей нормой закона, а заодно с ними изгнать и сам закон.

---

¹ Перевод наш – Б. А.

² Юлиус Биндер – глава школы неогегельянцев, известен такими работами, как «Философия права» (1925), «Государственный резон и нравственность» (1929), «Немецкое народное государство» (1934), «Идеализм как основа философии государства».

Шмитт и его учение о мышлении в категориях конкретного порядка

1921 год недаром назван профессором А. Ф. Филипповым временем «того самого» Шмитта, написавшего «Диктатуру» и создавшего даже не новый термин, а новую область действительности и обозначив ее как область *политического*. Тогда же Шмитт поднимает проблему суверена и суверенного решения, а значит начинает вплотную рассматривать децизионистское мышление как потенциальный вариант замены мышления нормативистского. На тот момент, – пишет А. Ф. Филиппов, – «Шмитт не стремился к разрушению основ немецкого парламентаризма и не был апологетом тоталитарной диктатуры» [7].

Рискнем предположить, что такой вывод правомерен именно в связи с тем, что к этому времени Шмитт не приступил к исследованию мышления в категориях конкретного порядка, которое впоследствии подводило его к мысли о максимальной адаптации права к политике национал-социализма. Но подводить исследуемое им юридическое мышление в категориях конкретного порядка к миру политического – да еще к тому миру, который существовал в столь одиозной форме с целью адаптации к нему – в этом не обвиняют Шмитта ни большинство его биографов, ни значительное число тех, кто занят профессиональным исследованием его трудов: «Шмитт целит в основы того порядка, который неприемлем для него как порядок стран-победительниц Германии, как порядок чисто экономический, лишенный той фундаментальной очевидности, которую применительно к области политико-юридической можно называть легитимностью. Но повторим еще раз: "целит в основы" – не значит "стремиться разрушить". Шмитт – не разрушитель, он человек слова, а не политического действия, он и аналитик-то не столько событий и деяний, сколько слов о событиях и деяниях, теорий, лозунгов, мифов» [7].

Будучи «аналитиком теорий, лозунгов и мифов», Шмитт создает учение о трех типах мышления, два из которых – нормативизм и децизионизм (в том виде, в котором они существуют на момент создания учения о юридическом мышлении) – не могут претендовать на то, чтобы «обслуживать» правопорядок Германии. При этом Шмитт вполне допускает, что юрист, изучающий ее *правопорядок* в целом или *действие ее норм* в конкретном судебном случае, может проявлять в этот момент как минимум два типа юридического мышления: *нормативистское* и *мышление в категориях конкретного порядка*, и от того, каким именно типом мышления оперирует на данный момент юрист, зависит то, насколько эффективно (или неэффективно) работает правовая система государства. Выбор в качестве приоритетного типа познания *мышление в категориях конкретного порядка* Шмитт объясняет не попыткой подмены закона политической идеологией (чем, собственно, и может быть обоснован данный выбор), а апелляцией к успешному опыту действия мышления о конкретном порядке в Германии периода Средневековья [9, с. 311].

И наконец, обвиняя нормативистское мышление в абстрактности, а значит обвиняя в абстрактности и нормативизм в целом, Шмитт исходит из философского понимания бытия, которое свободно от долженствования (принцип Юма), и выстраивает логическую цепочку, состоящую из следующих оснований: исходя из постоянства разделения долженствования (нормы) и бытия (действительности) и утверждая в связи с этим, что «нормативность и фактичность суть совершенно различные уровни», Шмитт уверен в том, что нормативистский тип мышления стоит на страже нормы (что верно само по себе), а значит стремится соизмерять конкретную ситуацию преступления – например, убийство – с общей нормой (с чем тоже нет смысла спорить), но данное соизмерение, по мнению Шмитта,

невозможно по причине невозможности соизмерения долженствования и бытия, а значит и невозможности соизмерения нормы и фактически совершенного деяния (преступления). В случае совершения кем-либо преступления, нормативист в процессе его расследования склонен редуцировать норму до предпосылки ее применения к этому преступлению, в результате чего происходит отделение ее (нормы) от конкретного человека.

Таким образом, любое преступление по Шмитту – в случае если его расследует нормативист – представляет собой лишь «голый факт» подтверждения нормы, на основании которой невозможно доказать, что преступник ее (норму) нарушает, а значит невозможно доказать и его вину. Чтобы зафиксировать состав преступления (конкретное деяние и человека, его совершившего), юристу необходимо научиться оперировать *другим* – не нормативистским – типом мышления, который диктует обратный, по отношению к нормативистскому, процесс осознания нормы и факта. Это индуктивное по своей сути осознание свершившегося Шмитт определяет не как нарушение закона или нормы права, а как *нарушение конкретного порядка*. Основанием для подмены нормы порядком Шмитт предлагает считать способность последнего к регуляции. Понимая, насколько неубедительно может прозвучать пример из области юриспруденции (где было бы крайне неудобно, в случае нарушения порядка преступником, пользоваться понятием регуляции нормы), Шмитт предлагает рассмотреть функционирование порядка в рамках железнодорожного сообщения: «Правильно отрегулированное движение на транспортных путях ...представляет собой лучший образ подобного рода «порядка». Здесь даже последний остаток человеческого господства и произвола, который еще мог бы изображать регулировщик движения, заменен точно функционирующими

цветовыми сигналами» [9, с. 318]. В отличие от технической формы (коей является транспортная сфера) институт власти по Шмитту обладает *саморегуляцией*, что делает его правовой субстанцией, поддерживающей его конкретный внутренний порядок. Так, последовательно и настойчиво Шмитт выводит из правового поля понятия нормы и закона, подменяя их конкретным порядком и доказывая необходимость принятия и применения не самого права, а понятий о праве.

Ларенц и его объективно-телеологическое толкование права

Любое рассуждение о мышлении не может считаться полным без анализа или хотя бы беглого обзора истории возникновения герменевтического подхода к толкованию права. При этом не стоит забывать, что у истоков правовой герменевтики стоит выдающийся представитель исторической школы права Ф. К. фон Савиньи (1779–1861). В 1840 г., подводя итог современному состоянию дискуссии о юридических методах в немецкой юриспруденции, Савиньи выделил четыре «элемента» толкования права: (1) грамматический, (2) логический, (3) исторический и (4) систематический.

Грамматический элемент проявляется в изложении тех языковых законов, которые применяет законодатель, логический связан с должным соотношением различных «компонентов» мысли. Исторический предполагает связь закона с тем правовым состоянием, которое господствовало на момент его принятия в отношении конкретного вопроса, а систематический относится к внутренней связи, которая объединяет все правовые институты и правовые нормы в единое целое.

Данные «элементы», по мнению Савиньи, не являются отдельными видами толкования и должны действовать

совместно, чтобы обеспечить единство правопорядка. Однако изъясн в логике Савиньи заключался в том, что все четыре элемента толкования можно было применять только к тем законам, которые четко квалифицированы: 1 – предмет регулирования, 2 – цель регулирования и 3 – цель нормы. Ограничение подобного рода стало причиной того, что завет Савиньи был быстро и навсегда забыт, а толкование великого прусского правоведа было разделено на виды в зависимости от состояния интересов сторон. Данное обстоятельство привело к возникновению *субъективной и объективной концепций толкования права* в начале XX в. Острая дискуссия между представителями данных теорий продолжается в рамках правовой доктрины Германии до сих пор, и суть ее сводится к различию «между толкованием и судебским развитием права, для обоснования которого используются изменяющиеся семантические теории, в основе которых лежит не только методологическая проблема, но и, возможно, различное понимание Основного закона и представления о задачах, а также границах юриспруденции» [2, с. 14].

Субъективная концепция отталкивается от регулятивной воли законодателя, когда интерпретатору правовой нормы необходимо исследовать *первоначальную цель* этой нормы, а также интенцию законодателя в тех социально-политических обстоятельствах, которые вызвали к жизни данное предписание, т. е. речь в данном случае идет о применении методов исторического толкования: «Прочность и надежность текстов законов, даже написанных тщательнейшим образом, оставались сами по себе вполне *проблематичными*. Буква и дух слова, история возникновения, правовое чувство и потребности общения самым различным образом создавали путаницу при выявлении «несомненного» содержания текста закона, при вопросах оценки доказательств и при попытках

квалифицировать "факты" в ходе «чисто юридического» установления обстоятельств дела» [9, с. 330]. Главными представителями субъективной концепции толкования были *Ф. К. фон Савиньи, Б. Виндшайд, Л. Эннексерус, Ф. Хек, Г. Навиаски, Г. Брокс и Д. Райнике*.

Объективная концепция исходит из того, что опубликование закона автоматически означает его «отрыв» от того, кто его создал, в результате чего раз принятый закон начинает жить своей собственной жизнью, первоначальные цели законодателя утрачивают свою значимость для интерпретаторов, которые наделяют старые правовые нормы новыми смыслами и придают им новые цели¹.

В данном случае явно просматривается аналогия объективной концепции права с теорией Т. Гоббса о государстве: раз возникшее государство («Левиафан») начинает жить своей собственной жизнью и своими интересами, а не интересами своих создателей.

Главные представители объективной концепции *А. Ф. Ю. Тибо, Г. Биндинг и А. А. Кёлер* считали, что «объективная» интерпретация не стремится определить исторически реальную волю нормотворцев, а закон имеет собственную волю и зачастую мудрее тех, кто его создал. Данное положение вызывает возражения у тех, кто справедливо считает, что правовые нормы и законы не могут иметь собственной «воли», выражая волю нормотворческой власти, которая создает их ради достижения своих целей² [12]. Данное заблуждение неогегельянцев берет свое начало в теории права Гегеля – их духовного наставника, который первым из ученых отказался искать право в законах и естественных правах: «Лишенная историче-

---

¹ Иеринг считал, что право – не плод народного духа; оно не развивается мирным путем, из нравственных начал, вложенных в народное сознание. Будучи продуктом деятельности человека, право должно служить обеспечению его интересов и возникать в результате соглашения или договора.

² Перевод наш – Б. А.

ской канвы сущность права приобретает у Гегеля идеалистическую окраску и представляется как саморазвитие духа, сознания... *Антиисторизм гегелевской теории права* вытекает из априорного метода рассмотрения и изложения исследуемых вопросов»¹.

Созданное Ларенцом объективно-телеологическое толкование права позволяет ему абстрагировать правовые нормы (а точнее, интенции) от законодателя, наделяя их новыми целями, для того чтобы старые законы были востребованы в настоящем времени. Однако на этом этапе возникает вопрос: *чем отличается подобное толкование от процесса наделения правовых норм новыми целями (в отрыве от интенции законодателя и социально-политических причин возникновения правовых норм) вообще и от развития права в частности? Не приводит ли это к ситуации, когда общая воля, выраженная в законе, вытесняется субъективизмом судей, принимающих решения* [12]?

Вот как на этот вопрос отвечает сам Ларенц: «Задача правовой науки, как мы ее понимаем сегодня, состоит из трех частей... Кратко выражаясь, речь идет об *интерпретации закона, совершенствовании права* и, если позволите так высказаться, *унификации правовой материи*. Первые две задачи правовая наука делит вместе с практикой, а вот третья остается только за ней» [5]. Таким образом, толкование законов, придание им новых целей и *унификацию правовой материи*, т. е. развитие права, Ларенц считал элементами одного и того же интеллектуального процесса.

Анализируя объективно-телеологическое учение Ларенца, Рютерс отказывает его толкованию в статусе интерпретации. Наделяя правовые нормы новыми целями и тем самым игнорируя историческое толкование и ин-

---

¹ Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. С. А. Чибиряев, М.: Былина, 1998. С. 445.

тенцию законодателя, Ларенц занимается «интерпретацией» права по принципу “Einlegung statt Auslegung” (наделение правовых норм непредусмотренными законом целями вместо толкования права). Якобы объективное толкование права на деле сводится к судейскому праву, субъективность которого выражена в отклонении от закона. Как следствие, действия судей носят не столько правотворческий, сколько нормотворческий характер, что является прямым нарушением принципа разделения властей. Данное обстоятельство можно расценивать как основную причину, в связи с которой фундаментальный труд профессора Рютерса носит название «Неограниченное толкование», а не «Объективно-телеологическое толкование права». В противном случае его связь с учением Ларенца была бы слишком очевидна.

Основные положения учения Ларенца о конкретно-всеобщих понятиях

Напомним, что в трактате Шмитта «О трех видах юридического мышления» (1934) автор подвергает различению:

- нормативизм (понимание права как правила и соответствующее этому пониманию мышление о правилах и законах);
- децизионизм (понимание права как решения и соответствующее ему мышление);
- институционализм (понимание права как конкретного порядка и формы и соответствующее ему мышление).

В качестве *четвертого инварианта юридического менталитета* возможно рассмотрение сформулированный Ларенцом тип *мышления в конкретно-всеобщих понятиях*¹. Свое происхождение *конкретное понятие* ведет

---

¹ Если в первой строке Евангелия от Иоанна (Новый Завет) сказано: «В начале было Слово...», то главным слоганом мышления в конкретно-всеобщих понятиях могло бы стать: «В начале было Понятие... конкретно-всеобщее Понятие» (*Am Anfang war... der Begriff... "konkret-allgemeiner Begriff"*).

из философии Гегеля, который рассматривал понятия не как продукты рациональной «логики ума», а скорее, как человеческие принципы, основанные на законах реального бытия. В отличие от Гегеля, утверждавшего, что именно понятия формируют и структурируют действительность, неогельянцы (включая Ларенца) доказывали обратное, полагая, что не человек, а сама политико-правовая действительность в силу своей нормативности создает понятия. При этом на место старых, уходящих в прошлое понятий, приходят напитавшиеся духом времени новые, но и их функционирование заканчивается с приходом следующих, и такой круговорот составляет, по мнению неогельянцев, закон бытия, создаваемый не людьми, а самим бытием.

Также не стоит забывать, что Ларенц, как и Шмитт, понимал опасность такого негативного последствия нормативизма, коим выступала *абстракция юридической нормы*, в рамках которой с каждым более высоким уровнем абстракции область применения понятий *расширяется*, а их значение *снижается*. С целью преодоления абстракции нормы Ларенц разрабатывает учение о конкретно-всеобщем понятии, которое концептуально суммирует большое количество процессов одинаковой природы, благодаря чему сфера его применения уже, а содержание богаче [12].

«Конкретно-всеобщие понятия» как [попытки] отображения жизненной действительности должны вытеснить (посредством типологии¹) абстрактные понятия. Только такие конкретно-всеобщие дефиниции, как «семья», «собственность», «правоспособность», «договор» могут

---

¹ Чтобы не допустить погружения «жизненных идей» в абстрактные понятия, а заодно избавиться от самих абстрактных определений, Ларенц обратился к дефиниции «тип». Для него *типы* – это особые формы открытых и динамичных понятий, которые противопоставляются статичным и замкнутым абстрактным терминам: «Тип, таким образом, есть некое предельное логическое упрощение реальности и используемое для исследования причин и характера отклонений исторической действительности от идеальной модели» [3, с. 39].

составить суть конкретного порядка или части порядков. Следовательно, с позиции Ларенца, *сущность* – это не что иное, как целостность конкретно-всеобщего понятия. В случае если идея права будет противоречить ее реализации, целостность конкретно-всеобщего понятия будет нарушена и сущность исчезнет.

Примером конкретно-всеобщего понятия может служить сформулированная Ларенцом *многоступенчатая правосубъектность*, которую автор обозначил как *право имперских сословий*: «Любое право есть не абстрактное установление норм, а конкретный естественный порядок, и оно достижимо из конкретного положения сословия, а не из «правил» [9, с. 337]. Среди исследователей идеологии национал-социализма хорошо известна иерархия, созданная Ларенцом с целью определения правосубъектности человека в зависимости от того, является он «расовым» другом или врагом. Нетрудно догадаться, что на вершине иерархии находится «гражданин рейха», за ним – «гражданин рейха на стадии становления», далее следует иностранец, определяемый Ларенцом как «государственно чуждый», и наконец, в самом низу расположился бесправный «расовый враг»¹. Переосмысление К. Ларенцом самого понятия правоспособности с точки зрения расовой теории привело к внесению содержательных изменений в первый параграф Гражданского уложения Германии 1896 г. (далее ГГУ) о правоспособности. Новая версия данного параграфа гласила: «Участник правоотношения (народный товарищ²) – это только тот, кто является соотечественником: соотечественник – тот, кто обладает немецкой кровью».

---

¹ См. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.

² Понятие «Cenosse» (товарищ) в немецком языке происходит от слова «гугенот». В данной связи речь идет о влиянии движения кальвинизма, который некоторые теоретики нацизма считали первым проявлением нордического духа в Средневековой Европе.

Осуществляя перенос гегелевской концепции о понятиях в плоскость практической юриспруденции, а впоследствии используя перосмысленные в соответствии с новой идеологией юридические понятия при разрешении судебных дел, неогегельянцы доказали возможность трансформирования существующего закона *без вмешательства законодательного органа* [12].

Сравнительный анализ учений Шмитта и Ларенца: сходство и различие

В своей работе «Теория права» профессор Рютерс произвел *методико-критический анализ* мышления в конкретно-всеобщих понятиях и мышления в категориях конкретного порядка. В процессе анализа были выявлены общие особенности обеих интеллектуальных конструкций такие как:

- открытость и адаптация к новым фактам и новым господствующим представлениям о ценностях;
- иррациональность их определяющих характеристик, что вызывает высокую степень неопределенности в отношении конкретного юридического содержания;
- легитимация произвольных политических позиций власти и идеологических ценностей, противоречащих формулировке и исторической цели существующих законов [12, S. 363].

Попытаемся проанализировать каждую из заявленных профессором Рютерсом характеристик нового мышления.

1. *Открытость* «конкретного порядка» Шмитта и «конкретно-всеобщих понятий» Ларенца позволяла им впитывать (по принципу губки) любое материальное и идеологическое содержание и отображать любой социально-политический порядок. Такая открытость к соответствующим социальным реалиям и преобладающим политическим и идеологическим ценностям приводила к тому, что конкретный порядок и конкретно-

всеобщие понятия могли быть использованы для оправдания как нацистских и фашистских, так и либеральных и коммунистических решений [12, S. 313]. При этом «отсев» (посредством введения разного рода типологий) абстрактных и универсальных понятий, которые были «враждебны» идеологии национал-социализма, наряду с введением судебных оговорок, насыщающих конкретно-всеобщие понятия духом времени, позволяли сохранить целостность «конкретного» и «всеобщего» и удержать баланс между ними: «Единство конкретно-всеобщего понятия, – писал Ларенц, – это не формальное сходство (одинаковость), а конкретное единство структурированного целого, сохраняющего в себе различия» [Цит по: 12, S. 360–363].

2. *Иррациональность* «конкретного порядка» Шмитта и «конкретно-всеобщих понятий» Ларенца заключалась в отсутствии разумных рамок, которые бы ограничивали судей и новых интерпретаторов в их стремлении придать содержанию любого судебного решения «дух национал-социализма». При этом интерпретатор концептуального порядка занимал место законодательного органа, а судья переставал быть помощником законодателя, превращаясь в «адепта» неогегелевской логики [12].

3. *Легитимация* произвольных политических позиций власти и идеологических ценностей нацистских властей достигалась неогегельянской философско-идеологической установкой о том, что понятия порождаются не творческой (рациональной) деятельностью людей, а неким политическим пространством, которое и участвует в процессе познания. Данная установка позволяла снять всякую ответственность с нацистских властей, которые убеждали немецкий народ в том, что они просто следуют «понятиям действительности» и не в силах что-то менять по своей воле.

Таким образом, оба учения оправдывали *любые* решения нацистских властей, не предполагая никаких ограничений для этих решений и способствуя таким образом злоупотреблению властью, ее беззаконию и безнаказанности. Очевидно, что все три признака свидетельствуют о тоталитарном характере¹ официальной власти Германии времен нацизма, когда, используя в качестве «доказательной базы» учение о конкретно-всеобщих понятиях Ларенца, теорию о конкретном порядке Шмитта, расовые понятия Розенберга, страна вела активную борьбу по уничтожению политической оппозиции, инициировала режим Холокоста, вводила чрезвычайное положение, отменяющее права человека...

Возвращаясь к сравнительному анализу учений Шмитта и Ларенца, следует отметить, что в отличие от Шмитта Ларенц не отвергал ни нормативизма, ни нормативистского мышления. Правовая норма была для него не столько предметом критического анализа, сколько изначальным объектом исследования, а «каждый закон – набором норм права, которые *вторгаются* в разнообразные фактические отношения и влекут за собой скорые или отдаленные последствия» [5, с. 53].

Не было у Ларенца никаких нареканий и в отношении юридического позитивизма. Если Шмитт считал позитивистов зависимыми от законодателя и отказывался выделять позитивистский тип в качестве инварианта юридического мышления, заявляя, что «позитивист не является самостоятельным и вечным типом юридического мышления, подчиняясь решению соответствующего законодателя, обладающего государственной

---

¹ Существенным недостатком в рассуждениях Рютерса о тоталитаризме государстве, на наш взгляд, является приравнивание политики Третьего рейха к тоталитарной политике СССР и ГДР, не приводя при этом соответствующих доказательств. Помимо прочего, немецкий ученый исключает из данного списка Западную Германию (см. С. Сумленный «Немецкая система: Как устроена Германия»), в которой сам Рютерс занимал ряд важных должностей (помощник по управленческим вопросам акционерного общества «Даймлер Бенц», судья Верховного земельного суда в Штутгарте, ректор Университета Констанц с 1991 по 1996 гг.).

властью...» [9, с. 330, 335], то Ларенц полагал, что если позитивист и зависим, то только от закона, который *абстрагируется* от законодателя. Так, «к позитивному праву относятся не только законы и постановления, но и отражение признанных правовых воззрений и правовых требований к судебным решениям и фактически действующим критериям оценок. Однако предметом юриспруденции являются также юридически структурированные фактические обстоятельства, типичные для обычаев сделки, экономические и социальные условия, правовые институты ...» [5, с. 62].

Третий раздел трактата Шмитта «О трех видах юридического мышления» (1934) носит название «Юридический позитивизм XIX века как соединение мышления о решении и мышления о законах (децизионизма и нормативизма)». Автор статьи небезосновательно предполагает, что под «соединением» Шмитт подразумевает «синтез», апеллируя при этом к диалектическому учению Гегеля (тезис – антитезис – синтез). При этом с определенной долей условности можно предположить, что Шмитт соотносит децизионизм с «тезисом», а нормативизм, в силу субъективно-отрицательного отношения к нему, – с «антитезисом».

Полученный в результате подобного «опыта» *юридический позитивизм*, вызвавший ассоциацию с правовой системой США (которых Шмитт упрекал в излишней «склонности к нормативизму естественного права»), не устраивал немецкого философа: «Комбинация из децизионизма и нормативизма, из которой состоит подобный позитивизм XIX века, не может считаться ни первоначальным, ни вечным юридическим типом» [9, с. 335]. Поэтому в последнем случае Шмитт отбрасывает юридический позитивизм как результат синтеза, нарушая тем самым диалектический закон развития Гегеля и выводя напрямую институционализм из децизионизма.

В отличие от Шмитта Ларенц понимал, что правовую систему государства нельзя построить на одной, пусть даже самой прогрессивной и совершенной доктрине права, поэтому сам ученый не отвергал ни нормативизм, ни позитивизм, считая их частями общего механизма одной и той же машины под названием государство. Ларенц начал с того, что *абстрагировал саму правовую норму от законодателя*, фактически повторив логику Гоббса: раз возникшее государство («Левиафан») начинает жить своей собственной жизнью и своими интересами, а не интересами своих создателей. Так, Ларенц свел на нет *историческое толкование*, которое было направлено на поиск интенции законодателя, поиск тех социальных, политических и исторических обстоятельств, в которых закон изначально возник. Таким образом, норма права в трактовке Ларенца может быть соотнесена с *понятием* в трактовке Шмитта, которое, порожденное раз политическим пространством, начинает жить своей жизнью. При этом в связи с возникновением новых обстоятельств у правовых норм должны были меняться цели. Толкование норм права через призму цели Ларенц обозначил как *объективно-телеологическое*, и сообразно такому толкованию правовая норма теперь была связана не с законодателем и историческими обстоятельствами, в которых она возникла, а с современными целями¹.

Кроме того, в качестве второго элемента для синтеза Ларенц определил не политический, а *судебный децизионизм*, который функционировал на основе *судебных оговорок* (утрата основы для заключения сделки, злоупотребление правом, потеря права и т. д.), которые в своей совокупности формировали *судебное право*, наде-

---

¹ Подобную мысль уже высказывал Р. фон Иеринг в своей фундаментальной работе «Цель в праве».

лявшее судьбу такими полномочиями, как субсумпция¹, правотворчество (точнее – нормотворчество), толкование источников права и восполнение пробелов в законах.

Цель Ларенца состояла в том, чтобы оставить старые законы, наделив их способностью действовать в новое время и обслуживать современные правоотношения. Для этого необходимо было посредством объективно-телеологического толкования *переориентировать цели* старых правовых норм, *насытив их духом времени* через *судебные оговорки*², которые и являются отражением судебного децизионизма и за счет использования которых происходит расширение полномочий судьи в вопросах правоприменения. Другими словами, суть судебного децизионизма сводится к тому, что в отличие от законодателя, отвечающего только за результат законотворчества (закон), судья (включая верховного судью в лице фюрера) отвечает за объективно-телеологическое толкование и применение законов.

Таким образом, учение Шмитта отталкивается от философии права, где главные понятия – конкретный и пространственный порядок, создающие и организующие вокруг себя конкретное большое пространство. Оно, в свою очередь, формирует свои понятия, определяющие дух времени и насыщающие им, согласно учению Ларенца, старые нормы права, которые адаптируются под новое время через судебные оговорки. При этом посредством применения соответствующей типологии

---

¹ Субсумпция как логическая формула правоприменения и юридическая квалификация – это решение (судебно-децизионистский акт) о подведении факта под юридическую норму (нормативизм), т. е. субсумпция в свете диалектического закона Гегеля (тезис – антитезис – синтез) представляет собой синтез нормы и фактического события при условии следования (по мысли Рютерса) правовой культуре общества: «Кто стремится к действительной, а не на бумаге остающейся кооперации полиции и юстиции в Европе, должен принять во внимание, что при неограниченном уголовно-правовом образе действия мы наталкиваемся, воздействуем не на свободную ничью страну, но на страну, в которой живет население с другой правовой культурой» [Цит. по: Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. с. 46–47].

² В Третьем рейхе судебные оговорки назывались «оговорки борьбы», что придавало названию идеологический оттенок.

происходит «отсев» абстрактных понятий в пользу понятий конкретно-всеобщих. Рассуждение подобного рода позволяет нам убедиться во взаимодополняемости учений о мышлении двух известных немецких ученых.

Заключение

На основании проведенного исследования приходим к выводу о сходстве (при минимальном количестве различий) предложенных Ларенцом и Шмиттом типов юридического мышления.

1. Следуя традициям неогегельянства и не считая себя последователями римского права, оба правоведа, тем не менее, апеллируют к римским правовым институтам: Ларенц заимствует у римлян многоступенчатую правосубъектность (*caput*) для регламентации статуса имперских сословий¹, Шмитт – институт диктатуры для легитимации политического децизионизма и институт оккупации для легитимации земельных захватов в праве народов.

2. Предлагаемые Шмиттом и Ларенцом типы мышления служили аналогичным целям: 1 – ослаблению верховенства закона и 2 – установлению правопорядка в соответствии с политикой национал-социализма [12, S. 352, 358]. Соответственно, и роль судьи в государстве должна была быть подвержена соответствующим изменениям: вместо помощника законодателя судья становился адептом неогегельянской логики применения права.

3. Наличие ряда оснований для создания Шмиттом и Ларенцом двух типов юридического мышления позволяет нам сделать вывод о *взаимодополняемости их теорий*: «Даже цивилисты, размышлявшие об отмене Общей части Гражданского кодекса, отделявшие движимое имущество от собственности на землю и желав-

---

¹ В современной Германии в дипломе, который получает немецкий студент юридического факультета, обозначена специальность «Полный юрист» (“Volljurist”), а не просто юрист: «полным юристом в Третьем рейхе» мог быть только истинный ариец.

шие разбить Гражданский кодекс в целом на отдельные законы, хватались за ключевое (шмиттовское – авт.) слово *"конкретный порядок"*, т. к. это позволяло наводить мосты с «конкретно-всеобщими» терминами цивилистического неогегельянства (К. Ларенц)» [10, с. 486–487]. Такой «мост», наведенный между «конкретным порядком» Шмитта и «конкретно-всеобщими понятиями» Ларенца, предполагал, что «оба берега» в равной степени претендовали на то, чтобы считаться синонимами таких дефиниций, как «сущность» и «природа вещей».

При этом Ларенц, в отличие от Шмитта, дифференцирует правовую норму от законодателя, а на роль проводника духа времени определяет не политический децизионизм (как Шмитт), а судебный (судебные оговорки). И еще. Ларенц получил конкретно-всеобщие понятия в результате синтеза норм права с духом времени (через канал судебных оговорок), в то время как Шмитт выводил институционализм (напрямую) из децизионизма, т. е. минуя гегелевский закон диалектического развития. В последнем случае следует отметить, что Шмитт воспользовался готовой разработкой М. Ориу, которую он [Шмитт] наделил исторической (по сути – воображаемой) реальностью: «Немецкое средневековое мышление ... являлось вполне конкретным мышлением о порядке ...» [9, с. 311].

В результате борьбы с абстракцией правовых норм, Шмитт и Ларенц стали свидетелями того, что после 1945 г. обе интеллектуальные конструкции стандартизированного менталитета оказались отстранены от самого национал-социализма, продолжая при этом жить в германской науке и после падения Третьего рейха. Так, Шмитт, пытаясь представить новое пространственное планирование международного права, возвращается к конкретному порядку в своей послевоенной

работе «Номос Земли» (1949)¹. Возвращается к обсуждению конкретно-всеобщих понятий и Ларенц; в 1960 г. выходит в свет его работа «Правовая методология». Поствоенное обращение к исследованию воззрений двух немецких ученых доказывает, что любое учение может пережить свою эпоху, но насколько оно сохранит первоначальные цели своих создателей, останется предметом непрекращающихся споров как наших современников, так и потомков.

Список литературы

1. Антонов Б. А. Правовая система Германии 1933–1945 гг.: мышление в категориях конкретного порядка // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 2. – С. 128–146. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-128-146.
2. Белова М. А. Соотношение концепций толкования и судейского развития права в современной германской правовой доктрине // Правосудие /Justice. – 2022. – Т. 4. – № 4. – С. 109–125. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.4.109-125.
3. Болдырев С. Н. Типология как прием юридической техники // Философия права. – 2014. – № 3 (64). – С. 37–40.
4. Кильдюшов О. В. Читая Шмитта // Государство и политическая форма / сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.
5. Кирхманн Ю., Ларенц К. Немецкие цивилисты о юриспруденции: Юлиус фон Кирхманн, Карл Ларенц. – [б. м.]: Издательские решения, 2022. – 76 с.
6. Сумленный С. Немецкая система. Как устроена Германия. – М.: Дело, 2012. – 368 с.
7. Филиппов А. Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Политическая теология. Москва: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – С. 259–314.
8. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб: Владимир Даль, 2008. – 670 с.
9. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Государство: Право и политика / сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. – М.: Территория будущего, 2013. – С. 307–356.

---

¹ «Номос – пишет Шмитт – это тот непосредственный образ, который делает пространственно зримым политический и социальный порядок того или иного народа, первое измерение и размежевание пастбища, т. е. захват земли и заключенный в нем, вытекающий из него конкретный порядок; говоря словами Канта: "закон разделения того, что находится на земле, на мое и твое"; или, если мы используем другое точное, на этот раз английское, выражение: *radical title*» [8, с. 51–52]. И далее: «Если какой-либо мирный договор предусматривает важные территориальные изменения, он в любом случае затрагивает весь совокупный конкретный порядок, а поскольку война между членами единого международно-правового сообщества в соответствии с самим своим смыслом неизбежно ведет к заключению мирного договора, то во всех важных случаях еще в ходе войны должна выявиться заинтересованность и всех невоюющих держав» [8, с. 250–251].

10. Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 663 с.

11. Eisenhardt U. Deutsche Rechtsgeschichte. – München: C. H. Beck; 4., überarbeitete Auflage, 2004. – 638 S.

12. Rütters B., Fischer C., Birk A. Rechtslehre mit Juristischer Methodenlehre. Lehrbuch/Studienliteratur. München: C. H. Beck, 10., überarbeitete Auflage, 2018. – 621 S.

References

1. Antonov, B. A. (2019) Pravovaya sistema Germanii 1933–1945 gg.: myshlenie v kategoriyah konkretnogo poryadka [The legal system of Germany in 1933–1945: mentality in the categories of a concrete order]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» – Bulletin of the Russian State University. Series "Economics. Control. Right"*. No. 2. Pp. 128–146. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-128-146. (In Russian).

2. Belova, M. A. (2022) Sootnoshenie koncepcij tolkovaniya i sudejskogo razvitiya prava v sovremennoj germanskoj pravovoj doctrine [Correlation of the concepts of interpretation and judicial development of law in modern German legal doctrine]. *Pravosudie/Justice*. Vol. 4. No. 4. Pp. 109–125. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.4.109-125. (In Russian).

3. Boldyrev, S. N. (2014) Tipologiya kak priem yuridicheskoy tekhniki [Typology as a technique of legal technical]. *Filosofiya prava – Philosophy of law*. No. 3 (64). Pp. 37–40. (In Russian).

4. Kil'dyushov O. V. (2010) Chitaya Shmitta [While reading Carl Schmitt]. *Gosudarstvo i politicheskaya forma / sost. V. V. Anashvili, O. V. Kil'dyushov* [State and political form. Eds. V. V. Anashvili, O. V. Kildyushov]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russian).

5. Kirhmann, Y., Larenz, K. (2022) *Nemeckie civilisty o yurisprudencii: Yulius fon Kirhmann, Karl Larenz*. [b. m.]: Izdatel'skie resheniya. (In Russian).

6. Sumlennyj, C. (2012) *Nemeckaya sistema. Kak ustroena Germaniya* [How German system works]. Izdatel'stvo: Delo (In Russian).

7. Filippov, A. F. (2000) Rastsvet i katastrofa [Rise and collapse]. *Shmitt K. Politicheskaya teologiya* [Schmitt K. Political theology]. Moscow: Kanon-pres-Z, Kuchkovo pole. Pp. 259–314. (In Russian)

8. Schmitt, K. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the Earth in the law of nations jus publicum europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

9. Schmitt, K. (2013) O trekh vidah yuridicheskogo myshleniya [On the Three Types of Juristic Thought]. *Shmitt K. Politicheskaya teologiya* [Schmitt K. Political theology]. Moscow: Kanon-pres-Z, Kuchkovo pole. Pp. 307–356. (In Russian).

10. Stolleis, M. A. (2017) *Istoriya publichnogo prava v Germanii: Vejmarskaya respublika i nacional-socializm* [History of the German public law: Wimar republic and nazism]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russian).

11. Eisenhardt, U. (2004) Deutsche Rechtsgeschichte. München: C. H. Beck; 4., überarbeitete Auflage. (In German).

12. Rütters, B., Fischer, C., Birk, A. (2018) *Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre*. Lehrbuch/Studienliteratur, München: C. H. Beck, 10., überarbeitete Auflage. (In German).

Об авторе

Антонов Борис Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 000-0002-8233-9520, e-mail: heidel@rambler.ru

About the author

Boris A. Antonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 000-0002-8233-9520, e-mail: heidel@rambler.ru

*Поступила в редакцию: 02.11.2023
Принята к публикации: 07.11.2023
Опубликована: 30.12.2023*

*Received: 02 November 2023
Accepted: 07 November 2023
Published: 30 December 2023*